

Наш постоянный автор Марк Рац написал ответ на статью Михаила Немцева, опубликованную в прошлом номере. В статье шла речь о возможности развития общественной связности и формирования сообществ вне или помимо властных иерархий, пронизывающих всё российское общество. В своём ответе Рац уточняет понятие власти и критически рассматривает возможности общественных изменений,

Марк Рац,
доктор геолого-минералогических наук,
философ
Иерусалим
ratzm@netvision.net.il

Заметки читателя

(по поводу статьи М. Немцева
«Надеяться ли на новые единства?»,
«60 параллель», №2, 2011)

Направление мысли, представленное в № 2 (41) «60 параллели», касающееся ценности и перспектив собственно общественной (в отличие от политической) жизни России, концентрированно изложенное в статье М. Немцева, кажется мне в высшей степени плодотворным.

Я, однако, различаю ценности как таковые, которые являются или, как в данном случае, могут стать достоянием культуры, и перспективы их реализации в жизни. Я готов всячески поддерживать эти ценности, но совсем не очевидно, что население России в своём теперешнем состоянии способно в массовом порядке на такие подвиги, как самоорганизация и самодеятельность, необходимые для формирования великого множества разнообразных сообществ, образующих живую ткань гражданского общества. И столь же сомнительно,

предполагаемых в статье. Чтобы выйти из теперешнего неудовлетворительного состояния общественной жизни, невозможно обойтись без переосмысления основных понятий – власть, управление, общество, коммуникация. Это специальная и необходимая работа для интеллектуалов. Ответ Марка Раца – «заметки читателя» – пример развёрнутой реплики в публичном диалоге. Такой разговор предполагает внимательное неторопливое чтение текстов друг друга. Без проговаривания смыслов и ценностей (затруднительного для тех, кто уже привык общаться с помощью Twitter'a) сложно добиться совместного понимания принципиальных проблем и подходов к их решению. Это трудно... но мы можем стремиться к такому диалогу, и Рац предлагает пример того, как это можно делать.

что современные правители России будут спокойно смотреть, как власть ульывает из их рук. А если это так, то сделанных в статье оговорок на этот счёт недостаточно, и речь должна была бы идти об *историческом процессе*, который мы теперь можем в лучшем случае запустить, что в корне меняет всю постановку вопроса. В итоге, на мой взгляд, придётся говорить не о деполитизации общественной жизни, а о формировании *содержательной политики* (о ней далее) и новых субъектов политической оппозиции.

Тем не менее я поддерживаю выступление Немцева в части пересмотра ценностей, но хочу обратить внимание, что его замысел нуждается в проработке, особенно в связи с трудностями и препятствиями, неизбежными при его реализации. А это, в свою очередь, требует расширения пространства мышления и привлечения новых контекстов. Собственно, анализ препятствий – важнейший элемент любых концепций, предполагающих общественные преобразования. Лишённые такого анализа концепции рискуют превратиться в набор благих пожеланий. А потому в этом пункте лучше перекладывать, чем недокланяться.

При всех условиях в предлагаемой концепции мне недостаёт двух вещей.

Во-первых, это различие *реальности* жизни и идеальной *действительности* мышления. (Примечание со ссылкой на С. Кордонского, пишущего о «разделении на «реальность» и «на самом деле», – не более чем примечание, к тому же довольно туманное.) А ведь ключевое для концепции Немцева различие общественной и политической жизни

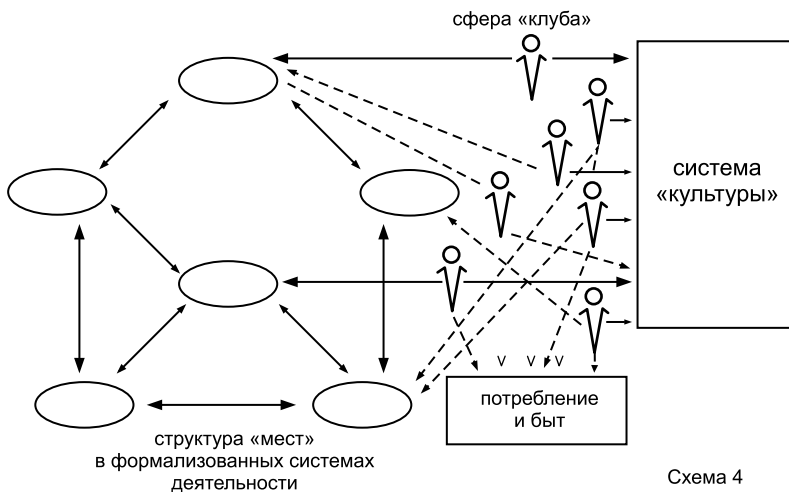
правомерно в мысли, но основывается на вполне определённом и довольно узком понимании политики: другие её трактовки предполагают, что политика пронизывает всю нашу жизнь, и тогда среди прочего возникает концепт общественно-политической жизни¹.

Здесь не место для обсуждения понятия политики, но нужно вспомнить хотя бы известный тезис: если ты не займёшься политикой, то она займётся тобой. *Различение* общественной и политической активности может быть полезным средством анализа, но *разделение* их в жизни возможно далеко не всегда: достаточно вспомнить об одном из основных типов сообществ – политических партиях. Вообще тема политических сообществ или даже сообществ как политического феномена является одной из важнейших в современной политической мысли². Как отмечают авторы этой книги (С. 21), «политическим потенциалом обладают любые сообщества», хотя далеко не все его реализуют.

Во-вторых, это объемлющий контекст, строящийся в мысли *онтологическая картина общества*, в рамках или на фоне которой разворачивались бы намечаемые процессы формирования общественных объединений, а за-

¹ К ней неявным образом апеллирует и сам Немцев, говоря об «общественной культурной политике, которая вообще не является «политикой» в привычном массовом словоупотреблении». Но, полезно добавить, является таковой для профессионалов.

² См. Сообщества как политический феномен / Под ред. Панова П.В., Сулимова К.А., Фадеевой Л.А. – М.: РОССПЭН, 2009.

Заметки читателя

(по поводу статьи М. Немцева

«Надеяться ли на новые единства?»,
«60 параллель», №2, 2011)

одно проявились бы и неизбежные препятствия. Хотя Немцев и пишет, что при анализе происходящего «нельзя опираться только лишь на здравый смысл», сам он ничего иного не предлагает. На первый раз в качестве необходимой онтологической картины можно использовать принципиальную схему общества, предложенную почти полвека назад Г.П. Щедровицкий³. Она включает четыре зоны.

1. Сферу формализованных систем деятельности: разного рода организаций и учреждений, производственных структур в самом широком смысле слова, где люди выступают в качестве социальных индивидов, «винтиков». Они заполняют

определённые места в жёсткой функциональной структуре и функционируют в соответствии со своими должностными инструкциями, получая за это соответствующую зарплату.

2. Сферу потребления и быта.

3. Сферу клуба, где люди уже в качестве личностей вступают в разнообразные отношения по поводу происходящего в первых двух зонах и содержания четвертой. Основной формой организации клубной жизни являются всякого рода сообщества (о которых ведёт речь М. Немцев). В сфере клуба готовятся любые целенаправленные перемены в жизни общества.

4. Пространство культуры, где обретаются матрицы (нормы, эталоны и образцы), обеспечивающие воспроизводство сложившихся форм деятельности и жизни.

Человек мыслится при этом как триединство организма, индивида и личности⁴.

Такое лапидарное представление схемы оставляет возможность её использования в лучшем случае для прагматических целей. Я надеюсь, что заинтересованный читатель обратится к первоисточнику, но всё же должен сделать кое-какие пояснения.

Во-первых, схема есть мыслительная конструкция, выделенные зоны являются функциональными, а никак не морфологическими: нельзя понимать схему так, что общество «состоит из четырех

³ Щедровицкий Г.П. и др. Педагогика и логика. — М., 1993. См. также: Щедровицкий Г.П. Избранные труды. — М., 1995. — С. 367-398 (<http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/81/Gp68a.doc>).

⁴ Подробнее об этом см.: Вера Данилова и Марк Рац обсуждают «Тезисы о человеке» (<http://www.futurisrael.org/Discussion/Anthrop/Homo01.htm>).

Фото Кристины Кармалиты.

частей». Напротив, пишет её автор, «в реальности производство и клуб как в пространстве, так и во времени наложены друг на друга», как и всё остальное, — добавил бы я. Во-вторых, надо подчеркнуть, что под культурой здесь подразумевается отнюдь не расхожее представление об искусстве, литературе, театрах, музеях и т.п., а система «матриц», обеспечивающих воспроизводство в жизни человека и общества всего того, что не воспроизводится биологическим путем. А это весь мир человеческой деятельности и её организованностей. Речь идёт соответственно не только о художественной, но и о политической, правовой, производственной и т.п. культуре. В-третьих, важнейшими функциями сообществ в сфере клуба являются сохранение и обогащение культуры и соответственно *развитие* «своей» деятельности, которая может только функционировать в формализованных системах.

Разумеется, это лишь принципиальная схема, которую можно и нужно критиковать и развивать, строить и обсуждать возможные альтернативы, но в принципе схема такого рода была

бы незаменимым подспорьем для реформаторов, будь то политики или общественники. Однако, хотя с момента публикации этой схемы большим тиражом минуло без малого двадцать лет, пока ничего подобного не происходит. Наши реформаторы обходятся без подобных премудростей, и я думаю, что не в последнюю очередь с этим связаны их (а в итоге и наши) трудности. Об этом — применительно к замыслу М. Немцева — пойдёт речь далее, а пока я хочу зафиксировать симптом другой болезни, препятствующей успешной реализации любых преобразовательных начинаний.

Это первое препятствие, о котором Немцев глухо говорит как о «слабости общественных коммуникаций», я бы более определённо назвал своего рода «избирательностью» и, что даже важнее, неспособностью к диалогу. Банальности, звучащие с высоких трибун, оказываются предметом живейшего обсуждения в СМИ, самые глубокие и актуальные идеи, высказанные «на полях», остаются за пределами общественного интереса и нередко попросту забываются. В России важно не что сказано, а кто и где сказал.

Заметки читателя

(по поводу статьи М. Немцева

«Надеяться ли на новые единства?»,
«60 параллель», №2, 2011)

К тому же важно не только и, может быть, не столько то, *что* обсуждается, сколько то, *как* это делается. Вместо подлинного, сократовского диалога мы имеем то, что М. Бахтин называл «композиционно выраженным диалогом», в сущности, обмен монологами. Как пишет Немцев, для разговора об общественных альтернативах или об общественном развитии нам «не хватает и языка, и желания, причём именно желания (а я бы сказал, ещё умений и навыков — М.Р.) не только начинать дискуссии, но продолжать их и развивать, добиваться нового понимания, видения, новых перспектив».

Не такая ли судьба ждёт замечательное начинание «60-й параллели», заставившее меня сесть за компьютер? Подхватят ли СМИ эту инициативу? Получит ли она необходимое глубокое развитие, чтобы, даст Бог, «овладевая массами», не превратиться в свою противоположность? Как заметил ещё пять лет назад главный редактор журнала «Со-общение» Д. Петров⁵, журналы теперь почти не вступают в дискуссии друг с другом. Кстати, я что-то не помню откликов на выступление Петрова...

Перечислять дисфункции и провалы коммуникации «по-русски» (причём не только общественной) можно долго, но важнейшее обстоятельство здесь — полное отсутствие рефлексии и внимания к этой основополагающей сфере человеческой жизни. Не буду развивать эту тему подробнее, благо на сей счёт есть достаточно свежие публикации⁶. Но чтобы не быть голословным, сошлюсь всё же на опыт работы существующей уже лет десять Российской коммуникативной ассоциации (РКА, см. <http://russcomm.ning.com>). Это типичный во многих отношениях пример современного вроде как активно работающего сообщества. Однако, что-то не видно, чтобы оно способствовало решению коммуникативных проблем нашего общества. Может быть, сейчас коллеги подключились бы к нашему разговору?! Да и сайт РКА, по идее, — едва ли не самое подходящее место для обсуждения этой темы.

⁵ Петров Д. Русские журналы: молчание ягнят. Русский журнал (<http://www.russ.ru/pole/Russkie-zhurnaly-molchanie-yagnyat>).

⁶ Матьяш О.И. Коммуникативное образование (<http://polit.ru/article/2011/08/10/communication>). Матьяш О.И., Погольша В.М., Казаринова Н.В. и др. Межличностная коммуникация: теория и жизнь. — СПб.: Речь, 2011. Кстати, форум на интеллигентном сайте Полит.ру говорит о состоянии нашей коммуникативной сферы больше, чем я мог бы сказать здесь. См. об этом также: <http://polit.ru/article/2011/08/23/barbarians>.

Пора, однако, вернуться к схеме, и первым делом я бы подчеркнул, что формы и принципы организации сообществ в сфере клуба кардинально отличаются от принципов, лежащих в основе социально-производственных систем. В современном государстве/стране и те, и другие равно необходимы, но никоим образом не взаимозаменяемы. Во всяком случае, разговор о «естественном перехвате» (?) у государственной власти её функций клубными сообществами выглядит странно. Вроде бы история знает только одну форму такого перехвата — якобинскую. Релевантная постановка вопроса состоит, я думаю, в **выращивании** необходимых для нормальной жизни страны социально-производственных систем, включая и государственные институты, заботами сообществ.

В клубе, в сообществах разного рода можно и нужно разрабатывать подходы, проекты и программы желательных перемен, но осуществлять, оставаясь в этом пространстве, можно только «внутриклубные» проекты. Все прочие требуют выхода вовне. Я думаю, в частности, что «миры совместной и подлинной жизни» могут быть «найденны, выстроены и обустроены вне... отношений к власти и по поводу власти» только в мышлении, т.е. в форме проектов. Тоже немало, но всё же это лишь первый шаг.

В таком повороте намечается связь рассматриваемых идей с традиционной постановкой вопросов реформирования и модернизации: меняется «только» субъект действия, сообщества начинают менять общество. Мы привыкли к тому, что всё у нас и часто за нас делает государство: ан нет, иногда и самим нужно поработать. Но здесь и становится очевидной вся чудовищная сложность реализации намечаемого дела. Проблематичной оказывается деполитизация даже и в том смысле, о котором идёт речь в статье: «в смысле выхода из системы координат, задаваемых осью отношений власть/народ».

То есть мысленно выйти за рамки этой оппозиции можно и нужно, но что можно реально **сделать**, не возвращаясь к ней, — для меня вопрос. Тем более что Немцев обсуждает не власть по понятию, а только ту её авторитарно-советскую форму, очередную реинкарнацию самодержавия, которая исторически сложилась в современной России. Между тем, ещё Герцен писал, что в XIX веке (!) самодержавие несовместимо с цивилизацией.

С моей точки зрения, которая тоже (как и замысел М. Немцева) нуждается в проработке и развёртывании, здесь необходимо различать ответственную за поддержание действующего правового порядка власть, которая из отношений господства/подчинения превращается тогда во *власть закона*, и ответственное за всякого рода перемены *управление*⁷. Как тенденция это различение, разведение и соорганизация в новых формах власти и управления явно прослеживается в современном мире. Политика при этом оказывается не только и не столько борьбой за власть, сколько борьбой за реализацию различных представлений о будущем, борьбой конкурирующих управленческих программ⁸. Разумеется, эта отдельная тема, но имея в виду исторический характер обсуждаемых процессов, указать на неё здесь и теперь мне кажется необходимым. Тем более что сфера клуба, гражданское общество оказывается важнейшим элементом государственного устройства, соответствующего указанному пониманию политики, управления и власти.

Я в последнее время часто вспоминаю знаменитую притчу о строителе Шартрского собора⁹, смысл которой состоит в том, что нормальная человеческая деятельность бывает (и, наверное, должна быть) многоцелевой. Эта притча имеет прямое отношение к нашей теме: речь-то о том, что преследуя свои личные цели, человек, по идее, одновременно работает не только на цели своего сообщества, но общества и своей страны в целом. И это прямо пересекается с обсуждавшейся недавно темой патриотизма¹⁰. Но как всё это соотносится с нынешним состоянием населения России? Тут мы выходим к следующему, я бы сказал, двойному препятствию, стоящему на нашем пути.

Ю. Афанасьев предложил для операции, произведённой в России большевиками, метафору «подмены народа». Суть этой подмены состояла в том, что было уничтожено общество как таковое. «С ликвидацией социальности в том

⁷ Рац М. Анти-Юрик. Независимая газета, 13.10.2010 (<http://www.rikmosgu.ru/publications/3559/4515>).

⁸ Такую политику я и назвал выше содержательной: подробнее см.: Рац М. Политика и управление // «Полис». — 2010. — №3.

⁹ Когда один из строителей, отвечая на вопрос путешественника, говорит, что таскает камни, другой — что кормит семью, а третий — что строит собор.

¹⁰ Рац М. Патриотизм и политика // «60 параллель». — 2010. — № 2(37). — С. 82-91 (<http://www.journal.60parallel.org/ru/journal/2010/39/405>).

Заметки читателя

(по поводу статьи М. Немцева
«Надеяться ли на новые единства?»,
«60 параллель», №2, 2011)

ее виде, в каком она сформировалась в России к XX веку, строители социализма пробудили и вызвали к жизни всё самое худшее, что есть в человеке и что составляет его природную основу, — его животные инстинкты и эгоизм»¹¹. Иными словами была успешно проведена операция по созданию «новой исторической общности людей» — советского народа, носителя особого менталитета, воспроизводимого советской культурой. Типичный советский человек в рамках упомянутых антропологических представлений за отсутствием сферы клуба являет собой образ «социобиоида». Только для таких, лишённых личностного начала, индивидов, социобиоидов наше общее будущее может быть, как пишет Немцев, «не нашего ума делом», которое доверяется «начальнику». Как говорит Ю. Пивоваров, «Советский Союз продолжает жить. Он живёт в нас»¹².

Есть, правда, и диаметрально противоположная позиция, сторонники которой апеллируют едва ли не к генетическим дефектам русского ума. Мне уже довелось формулировать свою точку зрения (см. примеч. 7), согласно которой на генетическом уровне все народы одинаково умные, а культурные и ментальные различия — продукт истории. Но ментальность принадлежит людям, а люди принадлежат культуре, в которой конденсируется исторический опыт народа. В России это доведённый до абсурда советской властью многовековой опыт самодержавия: вряд ли от него можно отмахнуться вместе с оппозицией власти и народа.

Собственно, М. Немцев начинает свою статью со сходных соображений, но он не различает жизненный мир (первые три пространства на схеме) и мир культуры (четвёртое). Это очень распространённая «склейка», присущая, в частности, американской традиции. Однако же как бы мы не реформировали жизненный мир, а пока не меняется культура, всё в жизни будет возвращаться на круги своя. Неудачи американцев в насаждении демократии в Афганистане и Ираке как нельзя нагляднее иллюстрируют этот факт. Во многом это объясняет и происходящее в России. Изменение культурных матриц требует особого подхода, специальной работы, но впрочем и специального развернутого обсуждения.

¹¹ Афанасьев Ю. Мы — не рабы? // Новая газета. Цветной выпуск от 05.12.2008. — №47 (<http://www.novayagazeta.ru/data/2008/color47/14.html>).

¹² Пивоваров Ю. «У России как будто ампутировано будущее». Интервью А. Колесникову // Новая газета, 11.02.2011 (<http://www.novayagazeta.ru/data/2011/015/06.html#sup>).

Повторю, созвучные сказанному идеи просвечивают и в тексте Немцева. Он замечает, что советское общество себя изжило, а новое так и не сформировалось, но следом за тем, апеллируя к марксовской идее отчуждения, пишет: «А мы живём в весьма даже отчуждённом обществе <...>, такие самовоспроизводящиеся отчуждённые отношения — это что ни на есть подлинное советское наследие». Да, вытолкнутые за дверь отношения господства/подчинения влезают в окно, поскольку прекрасно сохраняются в культуре. Этого не мог знать Карл Маркс, но мы-то, обогащённые всем опытом XX века, уже можем об этом задуматься. Боюсь, между прочим, что и в наших сообществах будет происходить (а по факту часто происходит) то же самое. А именно, диалогические, личностные отношения, характерные для сферы клуба, пусть часто в замаскированной форме, будут подменяться (и подменяются) служебными отношениями господства/подчинения.

В этом контексте мне кажется важным хотя бы обозначить вопрос о типах сообществ: просто, чтобы предметно представлять себе, о чём идёт речь. В своё время, обсуждая перспективы формирования в России гражданского общества, я коротко описывал сообщества профессиональные, региональные и политические.¹³ Такой выбор был продиктован обстоятельствами времени — середины 1990-х гг. Конечно, этот перечень должен быть дополнен множеством бесконечно разнообразных объединений: правозащитных, благотворительных, этнических, религиозных, земляческих, феминистских, экологических и т.д., включая, между прочим, особую и важную группу объединений по интересам — вплоть до любителей кошек или научной фантастики. Некоторые подходы к их типологии содержатся в упомянутой книге о сообществах как политическом феномене (см. примеч. 2).

Понятно, кстати, почему Немцеву применительно к жителям России не нравятся выражения «гражданское участие» или тем более «гражданское общество», не раз употреблённое мною выше. Да, Россия — государство имперское и сословное, а потому его жители, скорее подданные, чем граждане; гражданское участие у нас пока редкость, о которой в газетах пишут (наподобие борьбы вокруг Химкинского леса), а гражданского общества и вовсе нет.

Но мало ли чего у нас нет? — об этом, помнится, ещё Волаид говорил. Ведь и солидарность, доверие, общительность, да, собственно и сами сообщества, о которых идёт речь в журнале — по большей части вещи не столько наличные, сколько желаемые. Просто говорить о них лучше именно в этой модальности.

Таковы мои первые, боюсь, что сумбурные читательские впечатления и соображения, навеянные статьёй М. Немцева. При всех трудностях реализации само провозглашение ценности многообразных сообществ, сферы клуба, гражданского общества (всё это может мыслиться как разные фокусировки и представления одного объекта) жизненно важно для России, нашего народа и культуры. В этом пункте я безоговорочно поддерживаю М. Немцева. Если и насколько можно представить себе всё это отдельно от государства, это, действительно, ценность более высокая. Но как строить, исходя из этого, свою деятельность, — совсем другой вопрос, требующий дальнейшего и более развёрнутого, чем я мог осуществить здесь и теперь, обсуждения.

Очень бы не хотелось, чтобы обсуждаемые идеи канули в Лету, как пока чаще всего происходит с хорошими идеями в России.

¹³ Рац М. В. Идея открытого общества в современной России. — М.: Магистр, 1997.